

— Это не так уж важно. Итак...

Она крепко сжала руку Киллиана, словно боясь того, что может случиться. Ее холодную гладкую ладонь покалывало.

— Прошу, не сердись...

Вместо ответа Киллиан спокойно посмотрел на нее — женщину, отчаянно его умолявшую.

Она вела себя так, словно он даже сейчас мог взять, развернуться и застрелить этих двух старух.

На самом деле, если бы он захотел, то сделал бы это, и никто посмел бы остановить его.

У Киллиана было множество подручных и врачей, которые с радостью убили бы обеих женщин прямо сейчас — любым способом, что описал бы хозяин.

Они легко разобрались бы с беспорядком и позаботились бы о дрожащих слугах, затаивших дыхание на кухне.

Однако его любовница — слабая женщина. Убийство навсегда запечатлелось бы в ее памяти и заставило бы страдать.

Прекрасно было смотреть, как она дрожит от ужаса, но эта женщина должна была дрожать только перед ним.

Повисла тишина, как будто они шагали по натянутому канату.

— Мисс Филоне... — сказал он, когда Ровена уже была готова потерять терпение из-за напряжения, повисшего в комнате. — Сейчас закройте глаза и заткните уши.

Ровена вздрогнула, очнувшись при звуках этого предупреждения.

— А теперь идите наверх.

Она хотела бы спросить, зачем, но глаза, глядевшие на нее, были холодны как дуло пистолета.

Ровена передернула плечами, почувствовав его руку на своих глазах.

Как только она, повинаясь приказу, заткнула уши, смутно услышала, что что-то треснуло.

Ровена положила руку на перила лестницы, словно спасаясь от взрыва бомбы, и ушла так быстро, как только могла.

Но поднявшись по лестнице, она остановилась и обернулась на пронзительные вопли.

— А-а-а!

— О, я виновата!

Розалина сглотнула, увидев, как совсем близко к ее лицу пролетели осколки.

На ее щеке появился тонкий порез, из которого тут же выступила капля крови.

— Ах...

Розалина в ужасе попятилась. Все кругом нее почернело.

В любом случае, на этом Киллиан не остановился и пошел доставать из витрины в гостиной еще чашку.

Он быстро осмотрел посуду спокойным взглядом, словно проверяя ее.

Это была одна из чайных чашек, подаренных королевой — его мать ценила этот подарок и доставала, только когда встречала важных гостей.

— Нет! Не эту, прошу! — приглушенным голосом, словно вот-вот могла заплакать, пробормотала Розалина, и Киллиан ответил ей коротким смешком.

— Ты сама хотела эту чайную чашку. Так бери, пожалуйста. В обмен на обучение того, что принадлежит мне.

— ...

— Прощу, убедись, что поймаешь ее вовремя, крестная.

Едва договорив, Киллиан швырнул чашку так, словно избавлялся от мусора.

— А-а-а!

Розалина свернулась калачиком, зажмурившись, когда осколки разбившейся о стену чашки разлетелись в разные стороны.

Гертруда тоже присела прямо там, где стояла, ее губы задрожали.

Перед лицом дикого страха у них не было ни малейшего шанса сохранить достоинство или соблюсти приличия.

Это было элементарное проявление безумной ярости, и оно служило предупреждением всякому, кто осмелится тронуть собственность Киллиана без разрешения.

Фарфоровая посуда, когда-то украшавшая парадный стол, была безжалостно разбита и расколочена.

— Про... Простите меня.

— О господи. И что ты будешь делать, если не сможешь поймать ни одной?

Киллиан отвернулся, сокрушая все вокруг своей жестокой рукой.

— Давай подумаем... Ты же хотела раньше этот инкрустированный самоцветами меч, не так ли?